

Размышления медиевиста о новом «образе средневековья»

Ю.Е. Арнаутова

Аннотация. Размышляя о новом «образе Средневековья», автор исходит из того, что любой образ исторической эпохи – понятие из репертуара истории памяти. Его можно определить как упрощенное толкование прошлого из перспективы настоящего. Это толкование тесно связано с актуальными проблемами и потребностями «толкующего» общества, с вызовами его времени, идеологическими установками и историческим опытом. Среди всех воображаемых исторических эпох Средневековье имеет для историка особый смысл. Оно стало, начиная с Века Просвещения, неким исходным пунктом для сравнения, средством познания других эпох. С последнего десятилетия XX в. «Средневековье» стало «брендом» и прежде всего – в массовой культуре. Сопоставляя образ Средневековья, типичный для европейского общества XIX в., с современными представлениями, автор приходит к выводу, что нынешний «образ Средневековья» является деидеологизированным, по меньшей мере в традиционном (т.е. политическом и социальном) смысле. Его можно назвать «технологическим Средневековьем под знаком гармонии со средой обитания». Многочисленные художественные творения, создающие образ Средневековья, предлагают читателю или зрителю «пожить» в средневековой повседневности, погрузиться в ее «замедленное время».

Ключевые слова: история памяти, образ Средневековья, историческое сознание, Средневековье и современность, «технологическое Средневековье».

Арнаутова Юлия Евгеньевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. отделом исторической антропологии и истории повседневности Института всеобщей истории РАН, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, jarnautova@mail.ru.

A Medievalist's Thoughts of the New "Image of the Middle Ages"

Ju.E. Arnautova

Abstract. Considering the new "image of the Middle Ages", the author starts with stating that any image of a historical age is an idea from the repertoire of the history of memory. It can be defined as a simplified interpretation of the past from the present perspective. This interpretation is closely connected with the topical problems and needs of the "interpreting" society, with the challenges of its time, its ideological position and historical experience. Among all the historical ages, the Middle Ages are especially meaningful for a historian. Since the Enlightenment, the Middle Ages have become a kind of a reference point, used for comparison and researching all the other epochs. Starting with the last decade of the XX cent., "the Middle Ages" have become a "brand", primarily in the mass culture. Through contrasting two images of the Middle Ages – one typical for Europe in XIX cent. and the other characteristic of our days – the author concludes that the current "image of the Middle Ages" is devoid of the ideological basis, at least in the traditional (i.e. political and social) understanding. It can be described as "the technological Middle Ages marked by harmony with the environment". Numerous artistic works that create such an image of the Middle Ages invite the reader or the viewer to "visit" the medieval everyday life, to be immersed into its "slow time".

Keywords: the history of memory, image of the Middle Ages, historical conscience, the Middle Ages and today's world, the technological Middle Ages.

Arnautova Julia E., Doctor of Science (History), Chief Research Worker, Head of the Department of historical anthropology and the history of everyday life, Institute of World History, Russian Academy of science, 32 A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia, jarnautova@mail.ru.

Образ исторической эпохи, будь то Античность, Средние века, Ренессанс, Просвещение или Новое время (т.е. эпоха Современности, *Moderne*) – понятие из репертуара истории памяти. Поскольку память – не хранилище раз и навсегда установленных фактов прошлого, а непрерывно функционирующее реконструирующее воображение, она оперирует образами, которым мы приписываем некий набор смыслов и так соотносим историческое время с ментальными картинками определенным образом истолкованной истории. И хотя эти образы рождаются из эмпирического знания, базирующегося на историческом материале, и потому не являются фикциями, они включают не «все знание», а скорее, общее представление об эпохе как о некой целостности. Инструментом отбора и интерпретации информации, которая будет составлять это «целое», является историческое сознание: оно само решает, что для общества в настоящий момент есть «история», что она для него значит и для чего ему нужна. Поэтому образ исторической эпохи можно определить как упрощенное толкование прошлого из перспективы настоящего, тесно связанное с актуальными проблемами и потребностями «толкующего» общества, с вызовами его времени, идеологическими установками, какими-то до-научными предубеждениями и опытом¹.

Среди всех воображаемых исторических эпох Средневековье имеет для нас особое значение. Впервые эту идею обосновал, кажется, Райнхарт Козеллек более четверти века тому назад. В своей работе «Современная социальная история и исторические эпохи» (1987) [Koselleck, 1987] он показал, что образы эпох – продукт историзации мышления. Осознание историчности всего, что существует, в том числе и историчности самой исторической традиции, происходит, как он полагает, когда в эпоху Просвещения и Французской революции имеет место лавинообразный слом традиций, также и исторической. Как только историю перестали воспринимать как предзаданную метафизически, она из традиции живой памяти о прошлом (*ars memorativa*) превращается в современную науку², основанную на специфически историческом понимании времени, которое стали определять критериями, выводимыми из познания хода самой истории. Первый шаг в данном направлении был сделан эпохой Просвещения, и этим первым шагом как раз и было «открытие» или «создание» Средневековья. Здесь, согласно Р. Козеллеку, сыграли роль две центральные категории времени: понятие «новое время» и понятие «прогресс». «Новое время» – это непосредственный опыт эпохи Просвещения, следствие прогресса, который, собственно, и отличает будущее от прошлого. Открытие идеи прогресса означало и открытие историчности мира: прогресс обозначал глубину различия между имевшей до сего момента место «действительностью», условно говоря, вчерашней и «действительностью» настоящего, а также грядущего будущего. С тех пор,

¹ Более подробно о понятиях «образ эпохи», «образ истории», «историческое сознание» см.: [Арнаутова, 2006, с. 277–280].

² Ср.: «История как современная наука возникает там, где слом традиции качественно разделил прошлое и будущее» [Koselleck, 1987, p. 177].

как в XVIII в. стало возможным признать, что познание истории изменяется вместе с изменяющимся временем (а значит, историческая «истина» относительна), методологии исторического исследования потребовалась точка отсчета, относительно которой делаются суждения. Ею и стало Средневековье как своеобразный медиум, через который оценивался опыт Современности. Иными словами, Современность (Moderne) создала себе «Средневековье», чтобы тем самым отграничиться от него, обозначить себя как принципиально другую эпоху («новое время»), но в то же время сделала его неким исходным пунктом для сравнения, своего рода зеркалом – средством познания самой себя. Это познание осуществлялось всякий раз по-новому, ведь прошлое не дает себя «законсервировать» в памяти, оно постоянно опосредуется настоящим, приспосабливается к нему, а потому изменения в настоящем неизбежно вызывают изменения в картине прошлого, все новые и новые его образы³.

Степень интенсивности взаимодействия Современности со Средневековьем проявляется хотя бы в том количестве «образов Средневековья», которые рождались в течение двух последних столетий в исторической науке и в европейской культуре в целом. Их ключевой составляющей всякий раз становилась проблема прогресса, точнее, оценка его влияния на современное состояние общества – позитивного или негативного: от романтической ностальгии по «гармоничному» миру «зачарованного Средневековья» как воображаемого прибежища в эпоху индустриальных и политических революций XIX столетия до политического медиализма столетия XX – с его дискуссиями (под знаком дихотомии «индивидуум/общность») о генезисе индивидуализма в процессе ухода от средневекового типа общества. Об образах Средневековья существует уже достаточно внушительный ряд исследований⁴, так что их обзор не входит в мои задачи. Однако еще раз подчеркну, в силу постоянной соотносительности любых образов истории с настоящим изучение памяти о Средневековье в европейской культуре означает не только рефлексии о Средневековье, но и рефлексии о современной культуре. И здесь я хотела бы внести свой скромный вклад и обозначить занимающую меня уже не первый год тему исследований, которая, без всякого сомнения, в ближайшие десятилетия станет одной из самых актив-

³ Ср. с высказыванием О.Г. Эксле: «Тезис о том, что Средневековье в глазах Современности – центральная историческая эпоха, можно аргументировать с самых разных точек зрения. ... Например, указав на *множество наук* – не исторических, а теоретических – которые постоянно обращаются к Средневековью и работают с этим понятием, при том (и именно потому!) что сами они занимаются Современностью: правоведение, социология, экономика, политология. ... О важнейшей роли Средневековья для Современности свидетельствует то значение, которое она придает ему в своем воображении *во всех сферах жизни*, т.е. не только в науке, но и в литературе, в искусстве, в архитектуре, в кино... тесное взаимодействие Средневековья и Современности проявляется в той *множественности образов Средневековья*, которые создавала и создает современная эпоха. ... Следует особенно подчеркнуть, сколь *противоречивы* все эти образы. Этого тоже нельзя сказать ни о какой другой эпохе [Эксле, 2011, с. 153–154].

⁴ Достаточно полный обзор точек зрения с библиографией см. в: [Эксле, 1999, с. 271–284; *Mittelalter und Moderne...* 1997; Oexle, 1997, p. 307–364; *Die Deutung...* 2006].

но обсуждаемых. «Обозначить» – потому что «исследования» еще только предстоят. Я имею в виду новый «образ Средневековья», о котором, по моим наблюдениям, сегодня уже можно говорить как о чем-то вполне реальном. Разумеется, пока он в процессе формирования, хотя некоторыми размышлениями о его содержании поделиться, пожалуй, уже можно.

Вопрос о том, почему начиная с последнего десятилетия XX в. «Средневековье» стало «брендом» и, что самое удивительное, прежде всего в массовой культуре, еще ждет своего исследователя. Вероятно, здесь потребуется какая-то историческая дистанция. Но в любом случае это обстоятельство надо воспринимать как сигнал об изменениях свойственного нашим современникам исторического сознания, если понимать под ним внутреннюю установку, отношение людей к истории и существующему в их воображении ее образу. Это отношение не столько «рациональное», сколько «ментальное», проявляющееся как в степени общественного интереса к историческому знанию, так и в том, как историю презентуют в обществе. Сейчас можно констатировать, что на волне несомненно возросшего интереса к Средневековью последних десятилетий разительно меняются и формы репрезентации исторического знания.

Мы привыкли, что основная форма репрезентации нашего профессионального знания – научный текст. Создание текста (в широком смысле слова) – есть конечный результат деятельности историков: в нем аккумулировано критическое, научно обоснованное, научно признанное, экспертное знание, которым они обычно в своем узком кругу и обмениваются. Но как отнестись к явлению, которое мы, медиевисты, уже не можем не замечать? Я имею в виду многочисленные вариации того, что условно можно было бы назвать «игрой в Средневековье»? Сейчас я сознательно оставляю в стороне такие явления массовой культуры, как увлечение компьютерными играми «в стиле Средневековья» – с замками, рыцарями, «звоном мечей и свистом стрел», или литературу в жанре фэнтези, от Д.Р.Р. Толкина до Дж. Мартина, – особенно ее кинематографические версии, герои которых действуют в иллюзорных мирах, наполненных вполне «средневековыми» реалиями. Эти феномены заслуживают отдельного изучения, поскольку, будучи формами культурной памяти, тоже репрезентируют «образы Средневековья»⁵. Равно как и разнообразные «аттракционы», наподобие «средневекового рынка», где можно посмотреть, как изготавливают кольчуги, самому выковать гвоздь и попробовать «блюда средневековой кухни», или «рыцарского турнира». Подобные культурные события из года в

⁵ Строго говоря, речь должна идти об изучении не «образа», а «образов». Историческое сознание общества, формирующее образ истории, многослойно, как многослойно сегодня и историческое знание. Знание «экспертное» отличается, разумеется, от знания «повседневного», которое у всех на слуху, поэтому и образы эпохи, базирующиеся на той или иной форме знания, будут различаться. Иными словами, как и в какой мере происходит опосредование прошлого настоящим в форме «образа эпохи» в целом зависит от духовных потребностей и интеллектуального потенциала *данных* социальных групп в *данном* настоящем.

год становятся все более масштабными, с солидной подготовительной базой (я сужу по ставшим интернациональными «рыцарским турнирам» в Германии; для этого увлечения уже появились свои школы, индустрия и рынок). За их зрелищной стороной скрывается большая доля вполне корректного научного знания, особенно из области повседневной жизни, практических умений, аутентичных технологий; много труда вкладывается энтузиастами в поиск информации о необходимых реалиях в средневековых источниках. Однако меня как медиевиста гораздо более занимают новые формы репрезентации исторического знания в научном мире. Речь идет о крупных проектах с участием профессиональных ученых – представителей разных областей науки. Упомяну три, представляющиеся наиболее интересными⁶. Самый ранний (запущен в 1997 г. во Франции, в 40 км от Осера) – это строительство средневекового замка XIII в. (Guédelon) под руководством археологов и архитекторов. Затем, в Австрии – строительство бурга (Burg Freisach) со всем, что должно к нему относиться, т.е. с рядами стен, жилой башней в четыре этажа, романской капеллой, внутренними дворовыми постройками. Это один из проектов Института истории университета в Клагенфурте. И, наконец, в Германии – строительство раннесредневекового монастыря по знаменитому санкт-галленскому плану в районе Бодензее (Meßkirch) – проект Campus Galli. О хранившейся в санкт-галленском аббатстве рукописи с планом идеального бенедиктинского монастыря известно всякому медиевисту. План этот был создан в середине IX в. на Райхенау, но никогда не осуществлялся. На нем обозначено ок. 50 построек с описанием их функций, начиная от храма и обычных помещений для монахов (дормиторий, рефекторий) до скриптория, кухонь, пивоварни, госпиталя для бедных, домов для паломников и новичиев, погребов, мастерских и даже латрин. После двух лет подготовительных работ проект официально стартовал летом 2013 г.

Отличительная черта упомянутых проектов – долгосрочность: Guédelon – до 2023 г., Burg Freisach рассчитан на 30 лет, Campus Galli – на 40. Их главная цель – не заполучить в итоге замок, крепость или монастырь как аттракцион, притягивающий многочисленных посетителей⁷, а проверить и применить на практике накопленные знания, необходимые для подобного строительства, а также обрести новые – «учась у строителей», восстанавливая материальную культуру и бытовые реалии жизни различных социальных групп средневекового общества. И это больше не игра, а возглавляемая профессиональными учеными научная лаборатория.

Так, научный совет проекта Campus Galli, например, состоит из 16 специалистов. В их числе археологи, архитекторы, историки, искусствоведы, биологи, технологи,

⁶ Вся информация о них доступна на соответствующих сайтах: www.guedelon.fr; <http://www.burgbau.at>; <http://www.campus-galli.de>. Там же приведены и некоторые высказывания участников проектов, упоминаемые мною в тексте без отдельных ссылок.

⁷ Здесь следует уточнить, что все проекты, имея некоторый стартовый капитал, рассчитаны все же на самоокупаемость именно за счет туризма; замок Геделон уже приносит необходимый для стройки доход.

знатоки рукописей и миниатюр – порою единственного источника знания о том, как могли выглядеть те или иные предметы. Основной принцип работ – максимальная аутентичность: все делать так, как делали «тогда». Это значит, что строить нужно из местных натуральных материалов, причем начинать с ручной раскорчевки площадки от леса и транспортировки камня из каменоломни на повозках (предварительно выяснив, какая из современных пород тягловых животных наиболее близка к средневековой), инструментами того времени (которые надо еще изготовить и понять, для каких работ годится каждый из них), без современных технических средств (при том, что инструкций, как, например, поднять наверх пятисоткилограммовый каменный блок, в Средние века не писали), по технологиям того времени (многие из которых надо еще «открывать заново»). Началась стройка, как и положено, с сооружения «хижин для ремесленников» (отобрано 25 волонтеров), которые, в свою очередь, будут носить «средневековое платье» из сотканной там же вручную ткани, есть «средневековую пищу» и вообще «жить как в IX веке». Следующим этапом строительства стало возведение пока еще деревянной монастырской церкви. Летом 2015 г. для нее отлили колокол. Важно отметить, что всякий производственный процесс – изготовление и возведение строительных лесов, литье колокола, обжиг извести, обработка овечьей шерсти и ручное прядение (IX в. еще не знал прялки с колесом), разделка дичи «охотниками», выемка меда и т.п. – превращается в научную демонстрацию, сопровождаемую подробными разъяснениями для наблюдающих. В этом состоит просветительская функция проекта.

Характер подобных проектов можно определить как исторический эксперимент, цель которого – восстановить и, главное, применить знание, которое, как считалось, было утраченным, и таким способом «познавать прошлое». Авторы проекта во Фрайзахе, например, называют свою стройку «исторической лабораторией». Ключевые слова здесь – «прожить» и «понять» Средневековье. Прожить – прежде всего будучи вовлеченными в различные повседневные практики, которые сопутствуют строительству, потрудиться и пожить без привычных и кажущихся незаменимыми атрибутов современного быта, в «медленном времени». Когда строительные работы ведутся только в теплое время года и при свете дня, когда труд – только ручной, а потому ожидать результата приходится нестерпимо долго, когда весь процесс развивается постепенно и, например, выкорчевав дерево, всякий раз нужно ожидать кровельщика, который определит, можно ли его корень пустить на изготовление кровельной дранки, когда вся коммуникация – только устная, межличностная. И так в течение нескольких десятилетий пытаться на собственном опыте понять, что же это такое – «средневековая повседневность»? Чем заполнен день в «средневековом сообществе» совместно трудящихся людей?

Конечно, «прожить», «понять», «познать» – это разные виды когнитивного опыта (как тут не вспомнить о теории В. Дильтея и дискуссиях о познании рубежа XIX/XX вв.?). Но в целом эвристический потенциал подобных инициатив трудно переоценить. В создаваемом ими «пространстве опыта», я думаю, места хватит специалистам из самых разных областей знания, для историков – в первую очередь, особенно для историков повседневной жизни. Ведь такие стройки подстегивают

интерес прежде всего к ней – к изучению повседневности, материальной культуры, бытовых реалий, практик, обыденного мировосприятия.

Пока особое внимание уделяется поиску и восстановлению по археологическим данным современных инструментов и технологий, устройству быта. На сайтах проектов энтузиасты оживленно обсуждают инструкции археологов, как сделать «одноосную повозку из меровингских погребений», землянку, носилки (кстати, весьма отличные от современных), совки, строительные смеси и проч. Но не только «экспериментальная археология» переживает свой звездный час. Я не сомневаюсь, что в контексте воссоздания средневековых практик и технологий будут подвергнуты пересмотру и углублены, например, многие старые темы из истории повседневности, по которым уже, казалось бы, все сказано: история питания, одежды, сна, организация труда и досуга, разные стороны быта и социальных коммуникаций. Эту ее «классическую форму» ожидает ренессанс хотя бы потому, что новая форма репрезентации знания будет куда более комплексной: в отличие от созданных ранее текстов по отдельным аспектам средневековой повседневности в «исторической лаборатории» ее «проживания» неизбежно произойдет аккумуляция знаний, прежде фрагментированных. Объединят свои усилия и знания историки разных специализаций – палеографы и палеоботаники, археологи и искусствоведы, историки костюма, музыки и музыкальных инструментов, кухни и всех мыслимых сфер повседневной жизни, прежде никак друг с другом не связанные. Может быть, это станет новым ответом на прежний вызов, обусловленный несостоявшейся претензией истории повседневности на «тотальность» исследований⁸.

Более того, изучение реалий и другие «практические» моменты – это только один слой научной информации из истории повседневности. Я думаю, встанут новые исторические вопросы и на других ее уровнях. Моей фантазии хватает пока только на предположение, что это могут быть такие проблемы, как переживание времени, отношения человека и среды и, шире, разные аспекты экологии, отношение к техническому прогрессу, стратегии межличностных коммуникаций. Словом, весь экспериментальный опыт «проживания прошлого» приведет к каким-то новым темам или разным ракурсам взгляда на уже известные, о которых сейчас мы не можем даже догадываться, но они обязательно будут вставать на повестку дня по мере того, как – в процессе «проживания» – будут осмысляться отличия средневекового опыта от современного, его «инаковость». И опять придется погружаться в источники (в том числе и в давно, казалось бы, изученные), чтобы искать в них ответы на новые вопросы. Но так ведь и развивается бесконечный процесс познания: от научного вопроса к гипотезе, от нее – к материалу, и каждый ответ на поставленный вопрос неизбежно будет порождать новые вопросы.

⁸ Этот вопрос подробно обсуждается в [Арнаутова, 2015].

Возможно, подобный прогноз покажется несколько фантастическим. Но я хотела бы возразить скептикам: мы присутствуем при рождении небывалого еще и принципиально значимого явления научной жизни, которое нельзя рассматривать как краткосрочную научную «моду». То, что на рубеже нового столетия началось как «игра в Средневековье», в одном из своих форматов обрело формы процесса научного познания, превратившись в поле экспериментальных исследований, результаты которых, в свою очередь, также имеют новую, наглядную форму репрезентации. Это – неоспоримое свидетельство происходящих буквально на глазах изменений в историческом сознании нашей эпохи, если угодно – эпохи Постмодерна.

Размышляя о возможном содержании нового «образа Средневековья», нельзя не провести одну историческую параллель. С середины XIX в. в ряде европейских стран начинают достраивать незавершенные прежде готические соборы. Лучший пример здесь – Кёльнский собор (1842–1880 гг.). Но тогда был важен сам факт достройки, поэтому об аутентичных технологиях не заботились, недостающие детали просто «додумывались». Более того, на несколько десятилетий в архитектуре зданий с самыми разными функциями обрел популярность неоготический стиль. В этом всплеске интереса к средневековой готике историки усматривают своего рода культурный оммаж тому «воображаемому Средневековью», каким оно виделось в контексте общественной рефлексии современников о собственной эпохе, через призму тех политических и социальных проблем, которые обозначились уже в первой трети столетия по мере декорпорации общества и эмансипации индивида, индустриализации и технического прогресса. «Средневековые» здания символизировали навсегда утраченный мир единства, целостности, общности и порядка, словом, мир духовной и социальной гармонии. Это Средневековье романтиков, наподобие К.Ф. Шинкеля или Новалиса, а потом – социолога Ф. Тённиса или философа М. Шелера. С наступлением Нового времени они связывали распад «естественных» сообществ и атомизацию общества, превращение «культуры» в «цивилизацию», где рационализм и доминирование интересов индивида над интересами общества неуклонно ведут к «механизации» прежде «органических» социальных связей и эскалации конфликтов. Какой мир будут символизировать нынешние стройки? И какие ценностные идеи современного общества заложены в поиске и отборе того «знания», которое составит «целое» сегодняшнего «образа Средневековья»? Вероятно, именно эти вопросы будут в центре внимания историков уже в ближайшие годы, пока же я могу говорить только о некоторых собственных впечатлениях и в самых общих чертах.

В эпоху Современности историческая наука развивается под знаком историзма, т.е. осознавая обусловленность своих исследовательских проблем проблемами дня сегодняшнего. За прошедшие два столетия своей истории она последовательно двигалась от изучения государства и политической истории к истории идей, истории социальных структур, потом возникли антропологически ориентированные направления – «историей» стал «человек в истории». Обсуждаемые научные проекты, как видим, во главу угла ставят точное воспроизведение технологий и реалий. Означает ли это, что «мир технологий» становится для общества более значимым,

чем «мир идей»? Отчасти да: я вижу в этом признак эпохи Postmoderne⁹. Возможно, будущие поколения все же усмотрят и здесь идеологическую составляющую. Но пока все дискуссии носят, кажется, «технический» характер и сосредоточены вокруг предельно точного воспроизведения данных исторического материала¹⁰. Если сопоставить эти дискуссии, например, с развернувшимися вокруг достройки Кёльнского собора интеллектуальными и политическими спорами, в которых отразились и процесс поиска национальной идентичности в преддверии объединения Германии, обозначившийся уже ок. 1840 г. в форме вопроса о национальном стиле (ведь исторические корни готики – во Франции), и конфигурация позиций всех политических сил революции 1848 г.¹¹, то нынешний «образ Средневековья» представляется деидеологизированным, по меньшей мере в традиционном (т.е. политическом и социальном¹²) смысле.

Однако присущий данным проектам интерес к «вещественной» стороне дела отнюдь не заслоняет «человека в истории». Об этом свидетельствует стремление к максимальной аутентичности не только в том, что непосредственно касается строительства, но и в организации, условно говоря, среды обитания, в которой оно функционирует: мы наблюдаем эксперимент по (вос)созданию «цельного» фрагмента «средневекового мира», где стройка соседствует с хозяйственными объектами и сопутствующими «производствами». Символом «Средневековья» стали, следовательно, не столько архитектурные объекты как таковые, сколько сам процесс их возведения. А значит, история репрезентируется путем «проживания» связанных с ним повседневных практик¹³. И то знание (в комплексном процессе его добывания и применения, «проживания» и анализа), которое будет формировать нынешний «образ Средневековья», не ограничится материальной культурой, технологиями и разными бытовыми реалиями. Это будет знание о «средневековом человеке», но не в прежних – политическом, идеологическом, социальном – аспектах, а, наверное, такое, в котором будут значимы такие категории, как «мироощущение», «ритм

⁹ Это особенно хорошо заметно в «игровом дискурсе»: участники «рыцарских турниров» крайне серьезно относятся к аутентичности своих костюмов, вооружения и техники боя, но в то же время они, например, индифферентны к тому, что в одном поединке могут сойтись «рыцари» из разных хронологических периодов Средневековья и даже раннего Нового времени, словом, об идеях, упорядочивающих знание в одно «целое», тут речи вообще не идет.

¹⁰ Типичный пример – дискуссия на сайте Campus Galli о возможности буквально следовать фрагменту из “Hortulus” Валафрида Страбона об ограде монастырского огорода лекарственных растений.

¹¹ См. подробный анализ в [Kamp, 2002].

¹² В том, что касается социальных аспектов «образа Средневековья» в XIX в., для сравнения я напечатаю бы здесь о картинах воображаемых средневековых городов, например К.Ф. Шинкеля («Собор над городом», 1813), – с паломниками, устремляющимися к святыням, и оживленно трудящимися горожанами на фоне символизирующих порядок и социальную гармонию готических соборов в праздничном сиянии, в мире, где каждый знал отведенное ему в божественном мироустройстве место.

¹³ Это касается также литературы, кино, компьютерных игр, имеющих дело со «Средневековьем», пусть даже и условным, где приключения героев являют собой ни что иное как «проживание Средневековья» в самых разных формах. «Проживание» стало, похоже, ключевым понятием для современных «образов Средневековья».

жизни», «восприятие среды обитания» и, шире, «отношение к миру» – во времени и в пространстве. Я бы назвала этот новый «образ Средневековья» «технологическим Средневековьем под знаком гармонии со средой обитания». Мне кажется, именно такой его образ должен быть актуален на фоне всех глобальных проблем XXI в., когда влияние деятельности человека на окружающую среду становится все более ощутимым и учащаются технологические катастрофы, когда нас захлестывает поток информации и гнетет проблема убабыряющегося времени. Участникам строительства (и наблюдателям) предлагается «пожить» в средневековой повседневности, а значит, выпасть из повседневности собственной, общим признаком которой можно считать постоянное давление фактора времени (необходимость «экономить время», «успеть за временем», «эффективно использовать время»), и погрузиться в «замедленное время» средневековой повседневности. Какие плоды принесет это погружение для исторической науки в целом и не последует ли за этим очередной (звучащий со времен Новалиса) призыв к «новому Средневековью» в общественной рефлексии – судить не берусь. Но в любом случае размышления о новом «образе Средневековья» будут способствовать более четкому пониманию и самого Средневековья, и современного мира, и того, как Средневековье связано с ним, т.е. какие процессы и события влияют на историческое познание сегодня. На фоне т.н. вызова постмодернизма и всех разговоров о «кризисе исторической науки» это дает медиевистике дополнительный шанс критически осмыслить собственное состояние – условия, возможности и границы исследований (прежде всего их субъективный момент) – и таким образом обрести большую автономию своих концепций. ►

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Арнаутова Ю. История повседневности сегодня: вызовы и шансы // *Одиссей: человек в истории* / 2014: *Imitatio Christi* в религиозной культуре Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2015. С. 314–336.
- Арнаутова Ю.Е. Образ истории и историческое сознание в латинской историографии X–XIII вв. // *История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени*. М.: Кругъ, 2006. С. 277–307.
- Эксле О.Г. Миф о Средневековье. К проблеме медиэвализма в новейшей истории // *Одиссей: человек в истории*. М., 1999. С. 271–284.
- Эксле О.Г. Сколько длится Средневековье? // *Образы прошлого: Сборник памяти А.Я. Гуревича*. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 149–159.
- Die Deutung der mittelalterlichen Gesellschaft in der Moderne (=Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 217)*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 315 s.
- Koselleck R. *Moderne Sozialgeschichte und historische Zeiten // Theorie der modernen Geschichtsschreibung*. Frankfurt a. M., 1987. S. 173–190.
- Kramp M. *Heinrich Heines Kölner Dom*. München; Berlin: Deutscher Kunstverlag, 2002. 134 s.
- Mittelalter und Moderne. Entdeckung und Rekonstruktion der mittelalterlichen Welt*. Sigmaringen: Jan Thorbeckes Verlag, 1997. 408 s.

Oexle O.G. Die Moderne und ihr Mittelalter. Eine folgenreiche Problemgeschichte // Mittelalter und Moderne. Entdeckung und Rekonstruktion der mittelalterlichen Welt. Sigmaringen, 1997. S. 307–364.

REFERENCES

Arnautova Ju. Istorija povsednevnosti segodnja: vyzovy i shansy [Arnautova Yu. History of everyday life today: challenges and chances], in Odissej: chelovek v istorii / 2014: Imitatio Christi v religioznoj kul'ture Srednevekov'ja i rannego Novogo vremeni [Odysseus: Man in history / 2014: Imitatio Christi in Religious Culture of Middle Ages and Early Modern Times]. Moscow: Nauka Publ., 2015. P. 314–336 (in Russian).

Arnautova Ju.E. Obraz istorii i istoricheskoe soznanie v latinskoj istoriografii X–XIII vv. [Image of History and Historical Concioussness in Latin Historiography of the tenth – thirteen centuries], in Istorija i pamjat': ist oricheskaja kul'tura Evropy do nachala Novogo Vremeni [History and Memory: Historical culture of Europe before the Modern Times]. Moscow: Krug Publ., 2006. P. 277–307 (in Russian).

Oexle O.G. Mif o Srednevekov'e. K probleme medievalizma v novejshej istorii [Myth about the Middle Ages. On Medievalism in Contemporary History], in Odissej: chelovek v istorii [Odysseus: Man in history]. Moscow, 1999. P. 271–284 (in Russian).

Oexle O.G. Skol'ko dlitsja Srednevekov'e? [How long the Middle Ages has been last?], in Obrazy proshlogo: Sbornik pamjati A.Ja. Gurevicha [Images of the past. The collection of essays in honour of Aron Gurevitch]. Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2011. P. 149–159 (in Russian).

Die Deutung der mittelalterlichen Gesellschaft in der Moderne (=Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 217) [Interpretation of the medieval society within the Modernity Framework. Max-Planck Institute of History. Vol. 217. Hettinhen. 2006]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 315 s. (in German).

Koselleck R. Moderne Sozialgeschichte und historische Zeiten [Contemporary Social History and Historical Epochs], in Theorie der modernen Geschichtsschreibung [Theory of Contemporary History-writing]. Frankfurt a. M., 1987. S. 173–190 (in German).

Kramp M. Heinrich Heines Kölner Dom [Cologne Cathedral of Henry Heine]. Munich; Berlin: Deutscher Kunstverlag, 2002. 134 s. (in German).

Mittelalter und Moderne. Entdeckung und Rekonstruktion der mittelalterlichen Welt [The Middle Ages and Modernity. Investigation and Reconstruction of the Middle Ages]. Sigmaringen: Jan Thorbeckes Verlag, 1997. 408 s. (in German).

Oexle O.G. Die Moderne und ihr Mittelalter. Eine folgenreiche Problemgeschichte [Modernity and its Middle Ages. Endowed with great consequences “problem-oriented history”], in Mittelalter und Moderne. Entdeckung und Rekonstruktion der mittelalterlichen Welt [Middle Ages and Modern. Investigation and Reconstruction of the medieval world]. Sigmaringen, 1997. S. 307–364 (in German).